

АРИАНА ПАВЛИКОВСКАЯ
**РИТУАЛ
РАВЕСКОГО**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ариадна Павликовская Ритуал Раевского

<https://litres.ru/74059264>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кровь собиралась в бордовую лужицу на дне белого пакета с логотипом «Дикси».

Все началось с чертова перекрестка.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	32
Глава 4	46
Глава 5	63
Гла	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Ариадна Павликовская

Ритуал Раевского

Глава 1

Дороги сплелись

Кровь собиралась в бордовую лужицу на дне белого пакета с логотипом «Дикси».

Все началось с чертова перекрестка.

Вот же зараза, ведь предлагала кассирша упаковать кусок жирного кровавого мяса в дополнительную пленку. И уго-раздило же взять самую вздутую упаковку по велению внутреннего голоса...

Артем запарился готовиться к сегодняшнему ритуалу. Руки дрожали, соленые капли собирались на висках и текли по щекам. Все чесалось. Очередное знойное лето упало на Москву сизым облаком выхлопных газов, запахом пота и аллергией на жару. К тому же... Столько нервяков, и ради чего?

Все из-за мерзопакостного заказа однокурсника. Все из-за: «Ничего у тебя не получается» – надменным тоном.

А вот и неправда. Все получается!

Если руны не работают – сработает исконно-русское. Бесы обязательно ответят. К тому же Тема целый день катался по

району в битком набитых автобусах, словно в адовом котле, заходил в магазины, пока не откликнется чуйка, пока глаза не зацепятся за нужную бутылку водки и подходящий кусок говядины. Он даже сдачу не забрал, а все банкоматы в округе работали через пень колоду и выдали лишь пару зеленых купюр. Столько жертв, разве высшие силы п а его не услышат?

И угораздило же вляпаться в историю с приворотной работой! Три ритуала – и все ни к черту! Наоборот, девчонка и вовсе перестала общаться с противным однокурсником. И понеслись обвинения: «Все – херня! Ты, Раевский, лжец. Нет у тебя никаких способностей, выплачивай долг. Тоже мне, ученик Хогвартса хренов».

Проклятые пять тысяч до маминой зарплаты. «Не бери чужих денег, терпи до получки», – всю юность приговаривала бабуля, за ухо дергала и поучала, когда Темка занял у соседского мальчишки на деревенскую дискотеку. А этот мальчишка потом рассказал матери, а мать прибежала к бабуле и заявила, что Темка обдирает ее сыночка и за нос водит.

Так ничему Темка и не научился.

Ключи, ненароком брошенные в пакет с подношениями, звонко грохнулись, когда Артем споткнулся, запутавшись в собственных ногах. «Дебил, – выругался мысленно, выпрямляясь у светофора. – Конечно, все лопнуло... Хреновое начало для работы. Веду себя как дурак... Тороплюсь... Ходить разучился. Давай еще разобьемся. Падем бесам в мохнатные копытца. Принесем человеческую жертву. Уж то-

гда-то точно Аня от Никитоса не отлипнет».

На город падала сумрачная душная ночь. Полная луна подмигивала из-за высоких зданий жилого комплекса «Маршал».

Да... Хотел бы Артем жить в таком здании. Благородный песочный цвет мощных колонн, просторные балконы с овальными окнами. Зелень в горшочках.

Все лучше комнаты за двадцать пять тысяч в месяц, с прокуренными потолками, тараканами и гнилым паркетом.

Рыжие волосы слиплись от пота и прилипали ко лбу огненными змеями. Теплый ветер задувал в распахнутую полицейскую куртку с шевронами «Провинция».

Куртка ему досталась от родственника, уехавшего в Германию пару лет назад. Шевроны Артем раздобыл на маркетплейсе, растрчивая нищенскую стипендию.

Тема внимательно осмотрелся по сторонам. Приметил пустые дороги, горящую неоновую вывеску ресторана «Примавера», опустил окровавленный пакет на асфальт и прищурился.

На другой стороне перекрестка, у небольшого газетного ларька жались двое. Первый – высокий, с накинутым на макушку капюшоном черной толстовки. Второй – мужичок в майке-матроске, руки в наколках. Оба, как показалось Артему, пьяные и вряд ли помешают провести ритуал.

«Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина

...» – подумал Тема и усмехнулся. Опустился перед пакетом на корточки, выудил заляпанную алыми пятнами бутылку «Пяти озер», пачку сигарет с голографической упаковкой (еще и с цветной бумагой, в которую закручивали табак, – такие точно понравятся любому ветровому бесу) и несчастную порванную упаковку мяса.

Да уж, лучше бы он встретил таинственного иностранца Воланда и Берлиоза. А так... Все в духе фильмов Балабана с жуткими мужиками, потягивающими самогон.

Руки Артема перепачкались в крови. Темно-бордовые густые капли разбились об асфальт и заструились ручейками к зebre.

На светофоре загорелся зеленый свет. Подул слабый ветерок. Зашуршал пустой белый пакет.

Артем знал, что лучше выйти в центр перекрестка. Но в таком случае он рисковал привлечь внимание алкашей у киоска. Тем более сейчас, когда между мужчинкой ВДВ (такое прозвище Тема дал незнакомцу из-за майки в сине-белую полоску) и парнем в капюшоне начиналась какая-то непонятная потасовка.

Посыпались громкие оскорбления. Парень-толстовка схватил ВДВ за плечи и что есть сил тряхнул. Вот твари! И как Артему сосредоточиться, когда неподалеку разыгралась ожесточенная схватка алкашей? Не хватало еще, чтоб водку у Темы увидели. Поползут отбирать.

Мало того, что Тема ужасно волновался, трясся, как оси-

новый лист, обливался потом, так еще и москвичам не спится в рабочие дни по ночам.

Отставить сомнения. Переживания мешают работе.

Артем закрыл глаза. Разорвал испачканными в крови пальцами упаковку мяса. Шлепнул розовый кусок на дорогу и открыл бутылку. Выудил из кармана скрутку из трех черных свечей. Поджег. Выругался. Огонек предательски потух. Ну что ж ты в такую жару не горишь?

Закапал горячий воск, обжигая кожу. Щелкнул фитилек и снова потух. «Пожалуйста... Ну, хоть ты не подводи», – взмолился Артем и вновь щелкнул зажигалкой. На пятый раз сработало, и свеча наконец была прилеплена к бордюру.

Осталось малое.

Тема зубами сорвал табачную пленку. Выудил одну сигарету, подкурил и вместе с пачкой уложил на дорогу.

Краем глаз он вдруг заметил, что парень-толстовка оглянулся. Мелькнули темные глаза-шрамы. Сжались в тонкую полосу бледные губы. Тень капюшона упала на лоб.

«Не мешайся», – подумал Артем и нерешительно замялся на месте.

К удивлению, парень-толстовка потерял к нему интерес и продолжил бычить на мужика ВДВ.

Артем сосредоточился. Нарисовал в воображении образ беса, сидящего в центре перекрестка. Вот и копытца, и шерсть черная... Вот и рожки, и хитрый оскал клыков.

– Иди сюда. Со всех сторон света призываю, путь ко мне

ключом открываю, – прошептал Тема и поманил воображаемого рогатого к себе окровавленной ладонью. Бес, больше похожий на глупого пушистого чертенка, вильнул тонким хвостом с острым наконечником, встал на воображаемые четвереньки и быстро пополз к неумелому колдуну.

И снова этот взгляд. Чего тебе надо, господин Толстовка? Артем содрогнулся. Спину словно водой холодной окатили. По запястьям побежали мурашки. Ну и глаза у этого чудного! Лезвия.

Вот и порезали Тему. Отвлекли.

Перекрестный Бес подобрался ближе.

Тема тряхнул головой. Вернулся к образу мохнатого чертенка.

– Принес тебе жертву. Теперь прошу...

«А чего прошу?» – нервно переспросил себя Артем. Вся заготовленная речь вылетела из головы пробкой взболтавшегося шампанского. Булькнул в кармане телефон. Все сегодня через жопу. Может, Никитос прав. Может, и нет у Темы никаких способностей... Только дурость в рыжей башке и склонность к шизофрении.

Придется отдавать сраный долг.

– Я прошу у тебя... – начал Тема, концентрируясь на своем желании.

На другой стороне перекрестка раздался крик. Тема вздрогнул и покосился в сторону ВДВ и Толстовки.

Покосился и чуть не сдох от страха. Парень в капюшоне

вдруг дернул к себе мужика в майке и схватил за шею.

Вот же черт... Вот же черт!

Сил бы. Со всем этим справиться.

Тихий смешок оглушил левое ухо.

– Прошу у тебя развития моих способностей, и чтоб Анька в Никиту влюбилась! – быстро протараторил Тема, желая свалить отсюда как можно скорее. Еще не хватало вляпаться в очередную историю. Своих проблем хватает, а тут еще и этот, псих Толстовка. Кинется и убьет как свидетеля.

Колени затряслись. Спину вновь окатило холодом. В ушах забарабанило сердце.

Артем подхватил бутылку и вылил содержимое на асфальт. Лишь бы глаз не поднять. Лишь бы не видеть, как сумасшедший в толстовке направляется к нему через перекресток, а позади распластался посиневший задушенный мужик.

Воображаемый чертик сидел на зебре и грыз подаренный кусок говядины. Хвостик-ниточка перекачивал зажженную сигарету по асфальту.

Сердце бешено стучало в груди, словно готовилось пробить ребра и броситься очередным подарком бесу. Мир пульсировал алыми пятнами. Дрожала под подошвами кед земля. И все мерещилось, как псих в капюшоне медленным шагом направляется к нему, готовясь протянуть руки и схватить за шею.

Душегуб. Маньяк.

Что за чертовщина творится этой ночью?

Ударил в грудь дикий порыв ветра, чуть не сбив с ног. Зашуршала изумрудная листва кустарников, высаженных вдоль дороги.

И вдруг все затихло.

Тема напрягся. Дрожа, поднялся с корточек, моргнул и бросил взгляд на киоск.

Сердце взлетело к горлу. Ударило об стенки гортани. Тему чуть не вырвало.

Мужик ВДВ стоял, выпрямившись. Его больше никто не душил, но в лице пьяницы что-то изменилось. Словно и не пил он вовсе. Бывшая пунцово-красной морда превратилась в белую маску. Сгладились человеческие черты, как тени у девчонки, которая перемазалась пудрой.

Тема дернулся. Та часть мозга, что реагирует на стрессовые ситуации, вдруг вскинулась идиотскими ассоциациями: «ВДВ превратился в Волан-де-Морта. Вот же он, Темный Властелин. Пришел к черту, а встретил злого волшебника».

Медленно, как в банальном фильме ужасов, мужик склонил голову набок. Прохрипел что-то своему душеителю. Псих плавно перекатывался с пяток на носки, сунув руки в карманы толстовки, и что-то тихо бормотал в ответ, словно оправдываясь.

Мир вздрогнул. И вдруг заплыл туманной дымкой.

Сгустились над головой тучи. Гроыхнул гром, раскидывая молнии. Зашептали откуда-то тысячи голосов. Обру-

шился запах гнили и мокрой травы. Земля затряслась, словно Москва вскинулась в диком хороводе. Посыпались многоэтажки, зашатались светофоры, ударились друг об друга проезжающие машины. Сорвались сухие листья с гниющих деревьев, пожухли клумбы, покрылись серым пеплом.

Тема закачался из стороны в сторону, словно в бреду. Асфальт под ним пошел трещинами. А трещины – пропастями.

«Что за хрень, Господи?! Что за хрень?!» – кричало сознание. Голова гудела, словно громадный великан сдавил ее, обхватив затылок и виски ладонями.

Артем запустил окровавленные пальцы в волосы. Все вокруг пульсировало дыханием преисподней. Невообразимым катаклизмом. Приближающимся апокалипсисом.

Взгляд сам собой упал на противоположную сторону дороги. Там на куски разваливалась оранжевая пятиэтажка.

На месте, где только что стояли двое, теперь виднелся лишь псих в Толстовке. Он так и замер на носках, словно застыл во времени, а за его спиной клубилась странная черная субстанция. Лепилась из темноты и асфальтной крошки. Тянула длинные лапы к плечам душителя. Тротуар под черными кроссовками психа тоже шел трещинами. Словно сама земля решила его утянуть.

И вдруг все рассеялось.

Так же резко, как и появилось.

Словно морок какой, ей богу.

Тема грохнулся на колени, схватившись за живот. Больно

царапнулся камушком и выпустил содержимое желудка прямо на подношение бесу.

Сегодня ночью он точно уедет в желтый дом. Сам, собственными руками, вызовет машинку с чудесными людьми в белых халатах.

Его тошнило и тошнило. Стало стыдно перед нечистой силой, у которой по зову полной луны Артем решил попросить помощи, но остановиться он уже не мог.

«Не могло же привидеться... Или я и правда свихнулся? Может, солнечный удар днем схватил? Точно удар. Либо Никитос прав и это шизофрения. Это же не может быть реальностью! Это совсем не эзотерика!».

Наконец, когда все окончательно вышло наружу комковатыми желтыми кусочками и слизью, Артем выпрямился. Начал было подниматься на ноги, но тут что-то холодное тронуло его за плечо.

Запахло лесом и свежей земляникой.

– Перепил? – раздался голос над головой. Тема вскрикнул, снова плюхнулся на колени и пополз на дорогу. Однако ледяная рука схватила его за куртку и, встряхнув, поставила на ноги. Тема развернулся и столкнулся взглядом с таинственным душителем. Ойкнул и отступил назад. Рассудок уже не справлялся.

Темные глаза-лезвия. Черные густые ресницы. Растрепанная челка, торчащая из-под капюшона толстовки. Лицо изящное, как у эльфийского принца, но неправильное.

Неживое. Законсервированное какое-то. Леголас недоделанный.

– Не перепил, – ляпнул Артем, осторожно пятясь от психа. – Мне нельзя алкоголь. Бешеным становлюсь.

– Ты зачем сюда испорченное мясо притащил? – спросил Леголас, словно ничего, кроме этого, его не смущало. Тема побледнел и вдруг понял, что еще чуть-чуть и он обязательно грохнется в обморок или умрет от сердечного приступа. – Перепачкал дорогу. Воняет со всех сторон. Завтра дворникам твою бестолковщину убирать.

– Бес съест, – срывающимся голосом брякнул Артем.

– Бесы испорченное не жрут.

Медленно, словно боясь, что его сейчас прихлопнут или придушат за оставленную жертву, Артем покосился в сторону газетного киоска. И надо же – мужик-ВДВ так и остался стоять на месте. Облокотился на ларек и курил. Все такой же странный и обезличенный.

– Я... Я колдовал, – оправдываясь, сказал Артем и поднял руки в обезоруживающем жесте. Спыхватился, заметив свои окровавленные пальцы, и резко убрал за спину. Расплылся в нервной улыбке, чувствуя себя нашкодившим ребенком. Словно перед ним стоит не маньячина последний, а бабуля. И не жертвоприношение Темка совершил, а стены гуашью изрисовал.

– Никчемный из тебя чернокнижник. Поднимай и неси в мусорку, – холодно приказал Толстовка.

– Да... Хорошо, – Артем кивнул и тут же согнулся, чтобы подобрать мясо, но увидев зеленовато-желтые следы ужина, тут же выпрямился. Ударил в вены адреналин, сердце разбежалось и стукнулось о ребра, вскипела кровь. Разве Тема сделал что-то запрещенное? Пришел на перекресток с подношениями, а теперь какой-то маньяк ему угрожает! Сам-то лучше, что ли? Стоял вон... душил. Насилие сотворил над несчастным вэдэвэшником!

Вдали, из закрывшегося метро вышел охранник. Тут-то Тема осмелел по-настоящему и позволил злости заглушить внутренний ужас.

– Нет. Не буду, – заявил и уже увереннее отступил назад. Выпрямил плечи. Перевел дыхание. И пригрозил: – Я сейчас полицию вызову. Тут участок недалеко. Они приедут, и я им скажу, как ты мужика ВДВ душил.

– ВДВ? – непонимающе переспросил маньяк-Толстовка и нахмурился. Толкнул руки в карманы и с тихим отвращением осмотрел Артема.

Стало даже как-то обидно.

– Ну... Тельняшка. Короче, неважно. Мясо в подношение. И я не никчемный колдун, а очень даже сильный. И вообще... Ты сдохнешь такими темпами. Вон. Земля под тобой расходится и гниет. И сам ты какой-то гнилой. И нечто тебя караулит. Черное такое... Жуткое. Сцапает вот-вот. Оглянуться не успеешь.

Толстовка хмыкнул и будто потерял интерес к Теме. По-

жал плечами и отступил сам.

– Иди, проверься, чудик. У врача.

– Уж не переживай. Схожу. Но ничего убирать не стану. Мой бес все слопает.

– Бес тебе не собака. И уж точно не твоя. Проспись в следующий раз, перед тем как в мир выйти, а то душу твою сожру. Ненавижу алкашей. Всех вас надо сослать куда подальше. Нажретесь, потом творите всякие бесчинства...

– Это уже статья. Угроза жизни и здоровья, – брякнул Артем заплетающимся языком.

– Это предупреждение, – спокойно поправил Толстовка, развернулся на пятках и двинулся в сторону круглосуточного магазина.

Артем так и остался стоять на зебре, таращась в спину поехавшему мрачному незнакомцу.

А на Артема таращился мужик-ВДВ.

Мертвым стеклянным взглядом.

Глава 2

Последствия

Вентилятор сломался. Треснули лопасти от жары, оставив Артема наедине с жуткой духотой и температурой. После вчерашнего приключения тело отказывалось работать, кости ломило, жар держался с самой ночи. Зря Тема пошел на такую затею, видать, фрики с экрана телевизора правы были — с бесами играть нельзя. Вот тебе и подселенец, и порчи, и чего только Тема не понабрал на чертовом перекрестке...

Булькнул телефон. Посыпались уведомления. Артем, крихтя и морщась, свесил с узкой койки руку и подхватил с пола истертые временем джинсы, выудил из кармана старенький айфон и скользнул вспотевшими пальцами по экрану. Щурясь, разглядел встревоженные сообщения от бабули и мамы. Скорчил недовольную мину и уселся. Как они догадались, что Артем опять влип в историю?

Из раза в раз по двадцать сообщений и пропущенных звонков, как по расписанию, с утра. Когда Артем только приехал в Москву и гулял на Тверской, его снес с ног подросток на самокате. Итог — открытый перелом руки. Кость, торчащая наружу, а после ноющая боль из-за резких перепадов температур.

В тот злосчастный день Тема уехал на скорой и вырубился в «травме». Потом проснулся в больничке. И на телефоне

было тридцать пропущенных от маменьки и бабушки. Вот же ведьмы! Их чутью можно было только позавидовать.

Артем прищурился. Перед глазами плясали черные точки. Жарило. Прогноз показывал ужасающие 34 градуса по Цельсию.

В нос ударил резкий запах пота от футболки и постельного белья. Тема взвыл, написал быстрое «Температура. Приболел» маме и бабушке, сполз с койки и подхватил полотенце с компьютерного стола. Скрипнул под ногами высушенный солнцем паркет. Тема покачнулся и чуть не опрокинул приставленный к столу гитарный кофр.

Выругался. Поправил музыкальный инструмент.

Тут-то и вздрогнули входные двери в квартиру.

Видимо, дядя Коля вернулся. Вчера, когда Артем вполз домой взъерошенный, подергивающийся и диковатый, хозяина и соседа по совместительству не было. Видимо, уезжал то ли на дачу, то ли на шашлыки с друзьями-стариками со двора.

— Темка, — стукнулись крепкие костяшки в картонную дверь. — Ты дома?

— Дома, — прохрипел в ответ Артем.

— Матери напиши. Она мне плешь проела. Где и куда, мол, пропал.

— Уже написал, дядь Коля. Херовит меня. Простудился.

— Корона, что ли?

— Тогда бы не почувствовал, как от меня несет. Нюх-то

отбивает! Не корона, значит. Может, молока холодного перепил. Жарко же. Все кажется горячим.

Дядя Коля хмыкнул. Шаркнул тапочками по паркету и двинулся по коридору в свои хоромы. Старика закошмарила короновирусом бабка из квартиры напротив. Дядя Коля считал, что это новая чума, созданная в лабораториях иллюминатами, строил конспирологические теории и ходил в больницу исключительно в маске.

Мама нашла этого дядю Колю через знакомых. Он работал на две стороны — и приглядывал за Артемом, и шпионил. А в награду деньги за аренду каждый месяц получал вовремя, иногда с приятным бонусом в виде закрытых счетов за свет и воду.

Артем не протестовал. Дядя Коля был хорошим мужиком и частенько прикрывал его, когда Тема кого-нибудь приводил или вместо здорового сна зависал в компе, собирая ресурсы в китайской гаче. В случае чего с дядей Колей всегда можно было договориться. И это главный плюс.

Тема переступил порог комнаты и, покачиваясь, двинулся по темному коридору в ванную. В голове вертелись образы вчерашней ночи: рушащиеся здания, дебилный Леголас и мужик ВДВ. Только сейчас Артему пришла в голову мысль, что эти двое — вполне могли быть бесами перекрестка, а значит, он впервые в жизни столкнулся с настоящей магией.

Да не может быть! Артем хоть и верил во всяких паранормальных существ, но одно дело, когда веришь, и другое —

когда видишь магию собственными глазами.

ТЬфу. Все равно невозможно. Уж вряд ли бесы пытались друг друга поубивать. А эти двое стопроцентно что-то не поделили, один другого чуть не задушил. Или задушил. Или сделал что-то ужасное, чего Артем не заметил.

«Душу сожру», — хихикнул на задворках сознания мерзкий голосок Толстовки. Издевался. Прорывался в бредни и воспаленную голову. Надрывал гнойники.

К черту.

Артем заполз в пожелтевшую ванну. Врубил прохладную воду и повесил душ. Уставился в прокрытый черными кружевами плесени потолок. Выдохнул с облегчением. Душный смог в голове отступил.

Нужно привести себя в порядок и сходить распечатать фотографии. Повторить ритуал на Аньку. Закрепить, набравшись бесовской силы. Может, теперь-то работает.

А еще требовалось зарулить в аптеку и купить успокоительных. И записаться к психиатру. Обязательно. Проблемы с башкой Теме нужно контролировать. А то, не дай бог... Дед до пятидесяти нормальным человеком был, а потом пришельцев видеть начал, гуманоидов с зелеными головами и длинными руками-нитками. Врачи так и увезли в «Кувшинки». Шизофрения. Самая что ни на есть.

ТЬфу. Тьфу.

Зарычали трубы. Вода, лившаяся под большим напором, превратилась в легкий ледяной дождик.

Артем вскрикнул и вскочил на ноги.

— Дядь Коля! Что с водой?! — Тема сорвал с крючка полотенце и выпрыгнул из ванной, чуть не поскользнувшись на мокрой плитке. Свернул кран, ударил дверь и вывалился в коридор.

Дядя Коля выглянул из своей комнаты. Прорвались в темноту солнечные лучи. Подсветили розовую лысину на макушке старика.

— Так сегодня отключают. Ты что, по сторонам не смотришь, как из дома выходишь? Или ты, балбес, совсем слепой? Объявление на подъезде висело!

Тема выругался.

Раздражение и злость на проклятых людей из «Жилищника», ответственных за нечищенные зубы и немытую голову, вернули Артема обратно в тело. Кажется, даже жар отступил далеко-далеко.

Надо выйти в пекло. Заняться делами и связаться со Славой. Обсудить его долги по учебе и поездку на шашлыки в Царицыно.

Мысленно расписывая в голове план сегодняшнего дня, Артем вернулся в свою комнату и нырнул в узкие штанины джинсов. Дернул молнию, застегнул ремень и поморщился. Перетянуло живот.

«Я такими темпами скоро в них не влезу... Только лето началось, стресс от учебы закончился и полетела в рот картошка с тушенкой от дяди Коли. Надо заканчивать, а то к

осени шмотки новые покупать придется», — подумал Артем, нырнул в ворот футболки с портретом Маяковского и черной надписью «Сегодня надо кастетом кроиться миру в черепе!», брызнул водой из стакана в подаренный мамой фikus, обитавший на подоконнике, и подхватил ключи с телефоном — быстрым шагом покинул мир своего бардака.

На улице пахло березой и мускусом. От яркого солнца приходилось прикрываться ладонью. Казалось, что, если убрать руку, светило обязательно сожжет глаза. Что толку от слепого недоделанного колдуна?

И опять! Опять Тема забыл выложить себе руну дня! А ведь брал четкое правило: проснулся, сунул пальцы в красный мешочек и вытянул камушек. Разглядел символ и со спокойной душой пошел по делам! Вот же зараза, а не жизнь!

Сплошное раздражение.

И что опять началось? Ретроградный меркурий, что ли? Нормально же все шло, без лишней нервозности и стресса, нет же, стоило сходить один раз на перекресток и закрутилось.

Артем чувствовал себя полным неудачником. Раскаленный асфальт прилипал к подошвам желтых кед. Шнурки то и дело развязывались, уши закладывало от жары, а кожа краснела от аллергии.

Вспухли вены на запястьях. Какая-то тетка задела Тему плечом.

До метро оставался последний поворот и вчерашний пе-

рекресток. А там и центр с фотопечатью, и кофейня, где можно заказать холодный капучино. Еще бы мороженого, но тут уж выбирать приходилось — либо кофе и фотки, либо кофе и мороженое.

Тема разблокировал телефон, написал Славе, что он ждет его звонка и замер как вкопанный у перекрестка.

Там, рядом с газетным ларьком, стояли полицейские машины.

Артем попятился. Вспыхнули вчерашние воспоминания о мужике-зомби и о холодных пальцах темного Леголаса.

Рухнули разом пятиэтажки, посыпалась бетонная пыль.

Ударило в уши сердце. Подскочило к горлу.

Полицейские сновали рядом с ларьком, фотографировали и переговаривались, пока Артем думал, как ему лучше поступить.

Хотелось развернуться и кинуться прочь.

Отчего-то на плечи рухнула непонятная причастность. Будто это он вчера сделал что-то незаконное, и теперь его во всем подозревают.

Самое страшное — фотопечать была на другой стороне. Тут либо в метро спускайся с толпой, либо езжай в деревню к бабуле и никогда в большой город не возвращайся.

Задрожали колени. Ватой заложило кеды.

— Убили? Прямо на улице? А камеры? — кудахтали любопытные бабки на светофоре. — Витьку, что ли? Это который в «Маршале» жил? Гляди-ка, ходить по ночам страшно

стало. У меня внучка с его сыном в одну школу ходит. Это, получается, все — теперь в детдом парень уедет.

Закружилась голова.

Неужели после их встречи Толстовка вернулся из круглосуточного и доделал свое мерзкое дело? А если бы Тема остался на перекрестке? Если бы... Если бы не охранник, вышедший из метро?

Не проснулся бы Тема. Лежал бы рядом с мужиком.

— А тело-то где?

— А тело, изуродованное, еще с утра увезли. Бошку говорят отрезали. И кишки выпустили. И сердце... Сердце-то сожрали.

«Душу сожру», — отозвался голос маньяка на перешептывания старух.

Тема вздрогнул. Взгляд упал на загоревшийся зеленый. Шустрые сплетницы двинулись на другую сторону дороги.

Вот только Артем сдвинуться с места не мог. Все стоял и смотрел на полицейские мигалки широко распахнутыми глазами и переминался с ноги на ногу.

— Ты обкуренный, что ли? — пихнул в плечо какой-то дядька. Тут-то до него и дошло, что вообще-то час пик и за спиной собрались спешащие на работу люди. Тема рассыпался в извинениях и, наконец, ступил на дорогу, медленно скользя по зебре, словно паря над кипящим асфальтом.

...

Домой Артем вернулся чуть ли не бегом. Распечатал фо-

тографии Аньки и Никиты, забыл про кофе и мороженое, понесся на пружинистых ногах дворами. Вбежал в квартиру, проскрипел паркетом и заперся в комнате от дяди Коли. Звонил телефон, орал за стеной «Сектор газа», ныл тонким голосом хозяин дома:

«Ты со мною забудь обо всем,

Эта ночь нам покажется сном,

Я возьму тебя и прижму, как родную дочь!»

— Не могу говорить, — рывкнул в трубку Тема, выпрыгивая из джинсов. — Тут такое происходит, Слав! Я к врачу записаться хочу!

— Ты ж сам просил позвонить, — обиженно пробубнил Славка, лопаая в микрофон пузырь жвачки. — К какому врачу? У тебя что, болезнь?

— Болезнь! Крыша течет!

— Бухаешь опять?

— Нет! Мне мерещится всякое! Сначала апокалипсис, потом... Потом психи и маньяки, мужики-вэдэвэшники. Короче, в дурдом пора!

— Так это потому, что второй курс скоро начнется, — скучающе подметил сокурсник. — Еще бы у тебя галлюцинаций не было...

— Да я ж серьезно! Ты почему меня не слышишь? Я вчера пошел на перекресток, думал поколдовать, увидел там мужика, а мужик этот сегодня на том же месте мертвым обнаружился!

— Так, может, тебе реально в телек пойти? Типа... Типа ты теперь как Ванга стал. Предсказателем. Кругом, вон, знаки всякие мерещатся. Надо трактовать правильно. Вчера апокалипсис привиделся, а мужик тот помер. Ты, походу, просто не различил символизм.

— Иди ты нахер со своим символизмом! — Артем взвыл, опустил за компьютерный стол и машинально потянулся к мешочку с рунами. Когда пальцы коснулись бархатной красной ткани, он тут же отдернул руку, словно испугался камушков-предсказателей. — Может, я просто свихнулся.

— Тоже возможно, — вдумчиво произнес Слава голосом понимающего врача. — Но знаешь, психи не отдают себе отчет в реальности происходящего. И вопросов не задают. Если им привиделось — они все за чистую монету принимают. Фрейд говорил...

— Опять ты со своим Фрейдом! Слав, я же серьезно. Я сейчас ничем тебе не помогу. Слышишь, я какой? Дикий!

— Слышу. Но я бы на твоём месте не парился. Мало ли, всякое бывает. Давай тогда на выходных засядем в каком-нибудь парке. Ну, или я приеду, чекушку дядь Коле привезу, поболтаем. Если что, я узнал, как ты просил. У Тани. Она тебе даст в долг, чтобы ты перед Никитой рассчитался. Но я бы на твоём месте не торопился. Сегодня Аня в общагу заявила. Стояла и в дверь Никитоса долбила. Может, и сработало твоё колдовство. Будешь теперь, как Доктор Стрейндж какой-нибудь.

Артем выпрямился. По запястьями побежали мурашки.

— Правда, что ли? Приходила?

— Ага. Сказала, что хочет срочно с ним увидеться. Ну...

Если твой приворот реально сработал, то я тебе посоветую, конечно, таким не заниматься. У меня маменька верующая, она говорит, что все это к Дьяволу приводит.

— Все нас в этой жизни к Дьяволу приводит, Слав.

Вдруг раздался стук во входную дверь. Тема нахмурился и поднялся из-за стола. Все равно дядь Коля ничерта не услышит, раз у него начался вечер караоке.

— Я перезвоню. Опять кто-то к Коляну пришел.

— Давай, — расстроено согласился Славка. — Напиши потом, как запишешься.

— Куда?

— К мозгоправу. Сам же сказал.

Тема гневно скинул звонок. Толкнул дверь и вышел в темный коридор. Давно стоило бы поменять здесь лампочку, а дядь Коля все забывал.

Долбежка в дверь не прекращалась. Показалось даже, что кто-то усердно бьет в нее ногами.

Без лишних сомнений и предосторожностей Артем дернул замок. Распахнул дверь и столкнулся лицом к лицу с проклятым Леголасом.

Сердце подлетело к горлу.

Запахло земляникой и влажной землей.

Леголас схватил Артема за плечи и пихнул в квартиру.

Захлопнул за собой дверь и ударил в стену затылком.

Тема вскрикнул. Схватился за голову и сполз на пол. Собирался было заорать и позвать на помощь хозяина дома, но Толстовка дернул его за грудки вверх, словно видел в темноте, как кошка, и зажал рот холодной ладонью.

— Ты убил Виктора? — зловеще прошептал маньяк.

— Какого нахрен Виктора? — пробубнил в его ладонь Артем.

— ВДВ. Которого ты вчера со мной видел, на перекрестке.

Артем замотал головой. Хватка расслабилась. Тут-то он и пнул Толстовку под дых.

Пнул и ударился сам. Тело у Маньяка было деревянным. Мизинец на ноге прошибло тупой болью.

Псих даже не пискнул. Схватил его за шиворот и потащил в сторону комнаты, словно знал дорогу и отлично ориентировался в темноте.

Распахнул дверь и толкнул Тему на кровать. Сам же уселся за компьютерный стол. Покачнулся в кресле и холодным взглядом осмотрел Артема.

— А кто убил?

— Мне откуда знать?! — взвизгнул Тема и потянулся к телефону. Схватил и быстро набрал номер службы спасения. Только недолго спасительное средство было у него в руках. Маньяк за секунду подобрался к кровати и вырвал смартфон из вспотевших ладоней.

— Убери, пока я с тобой разговариваю, — попросил даже

и бережно положил на стол. — Ненавижу эту поганую технику.

— Ты кто такой? Как нашел? Следил?!

— По запаху.

Тема поежился. Неужто он так сильно вчера пропотел?

— Ты сегодня был на перекрестке. Зачем вернулся? — задал следующий вопрос маньяк и скинул с макушки капюшон толстовки. Тряхнул темными волосами, сбросил топорщащуюся челку с глаз. — Следы заметать приходил?

— Да не убивал я его! Я ушел, как только ты с глаз пропал! А этот... Виктор все на меня пялился! Никого я не убивал, я студент!

— Где учишься? — будничным тоном спросил Леголас и подвинул к себе Темину тетрадку.

— В РГГУ. На филолога... — ответил Тема и подгрёб к себе одеяло. Хотелось хоть как-то спрятаться от неожиданного гостя.

— Жаль.

— Что жаль?

— Что не в МГУ, — серьезно объяснил Толстовка. — Баллов не хватило?

— Ты издеваешься?

— Нет. Ты со мной пойдешь.

Артем похлопал глазами. Вытащил из-под кровати рюкзак. Нашарил трясущимися пальцами перцовый баллончик и тихо спросил:

— Куда еще?

— В участок. На меня убийство повесить хотят. Ты и сам видел, что я никого не убивал. И если ты не убил — значит, кто-то другой.

— Никуда я не пойду. Ты вломился в мой дом, вчера угрожал, с мужиком тем что-то сделал... Я тебя боюсь.

— Ничего я с ним не делал. Душу сожрал, и все. Но он это заслужил. Он девчонку одну обидел. Я просто разобрался, чтобы Виктор больше никого обидеть не смог. Только и всего.

— Еще и Робин Гудом себя возомнил.

— Я не Робин Гуд. Я Ян.

— Приятно, мать твою, познакомиться.

— Если ты со мной не пойдешь, за тобой придут другие. И будут лично разбираться, кого ты призвал, кто тебе помогал и что произошло.

— Да я... Да не пришел же никто!

— Пришел. Я вижу. Кто-то к тебе все-таки на испорченное мясо пришел. Кто-то тебя послушал и дал тебе то, чего ты просил. Я подыхать не намерен, поэтому ты пойдешь со мной. И будешь отчитываться как свидетель. Что видел меня, уходящего с перекрестка. И про душу Виктора тоже скажешь. Что видел, как я ее забрал, и как после этого ушел.

— Да кто ты такой?! — вскрикнул Артем, хватаясь за голову. Подышать бы... Подышать.

Подкатывала к горлу паническая атака.

— Я Ян. Сказал же. Ты, кажется, в чернокнижники собрался. Я был чернокнижником. Очень давно. Теперь я упырь.

— Я понял, что ты упырь! Настоящий, сука, вурдалак!

— Не вурдалак, — Ян нахмурился и поднялся с кресла.

— А упырь. Пошли давай. Нам пора.

Молниеносным движением Артем выдернул из рюкзака баллончик и, как только Ян наклонился к нему, чтобы схватить за плечо, брызнул прямо в глаза.

Вот только ничего не произошло.

Он даже не поморщился.

Зато Артем окончательно забыл, как дышать. Заслезились глаза, а запах земляники испарился.

Остался только дикий кашель и вопли возмущенного дяди Коли, до которого тоже дошли жгучие нотки перца.

Глава 3

Дивный новый мир

Живешь себе в мире, ходишь в университет, паришься над курсовой, учишься, страдаешь от недостатка денег, полыdraишь в коридорах и комнатах, а потом — бум. И сталкиваешься с потусторонним и неведомым. И как теперь жить — неизвестно.

Пришлось вызвать дядь Коле скорую. Под мрачным взглядом Яна с угрозами о «других», которые обязательно за ним явятся, Артем наврал, что перцовка лопнула от жары, оставленная на солнце. Порцию тумачков и крика: «Дебил ты, Тема!» — получить-таки пришлось. Уже после Артем промывал глаза молоком, ныл и кашлял. Упырь смилостивился и притащил новую упаковку из холодильника, даже поддерживал, а самому хоть бы хрен. Ни один глаз не покраснел.

— Быть такого не может... — хныкал Артем, как маленький. Вот теперь точно мать плешь проест, дядь Коля все ей, как миленький, выложит. И про нового гостя, которого Тема нарек сокурсником, и про баллончик... — Эдвард Каллен недоделанный. Нашел себе Беллу. Приплелся. Давай мне тут... про запах...

— Я не вампир, — спокойно повторял Ян. — Я упырь. Это разное. Мы вообще в разных странах живем. У нас своя нечисть. За бугром своя. Привыкай. Теперь все нечистое к

тебе само притягиваться будет. У тебя на плече тварь сидит, которую ты на перекрестке подхватил. Будешь теперь с ней вместе работать. Она тебе всякую муть и показывает. Прогниль мою и про... Про Нечто. Может, Нечто и убило Виктора.

— Она мне Виктора не показала, — всхлипнул Артем, выхватывая из протянутых рук Яна пакет с молоком. Вылил на ладони и снова промыл глаза.

Подул сквозняк из распахнутых в комнате окон. Зашуршал паркетом и захлопал дверьми. Вторгся в ванную и взъерошил волосы.

— Тебя показывала. Субстанцию непонятную за спиной. Гнилую землю и рушащиеся дома. Они все в расщелины уходили. И сыпались. Как домино. Но мужика в тельняшке в моих видениях не было. И вообще... Знаешь, как я себя стремно чувствую? Как поехавший...

— Понятия не имею. Я с этим столкнулся иначе. Другое время было. Магия проще воспринималась. Как влитая. Неотъемлемая часть мира.

— Другое время? И сколько тебе лет, упырь?

— Со счета сбился.

— Эдвард Каллен, блин.

— Давай, умывайся и пошли. Белла Свон.

Артема удивлял контраст в поведении Яна. Сначала завалился домой, пихался, обвинял в убийстве, а теперь вон как заботливо — и молочко принесет, и пошутит, и глаза про-

мысль от перцовки поможет. Странное существо.

— И чем ты докажешь? Что ты Сила Нечистая?

— Ты билет в цирк не покупал. Зачем мне тебе что-то доказывать? Я клоун, которого не оплатили. Никаких фокусов не будет.

Заиграла в голове дурацкая песенка Нэнси:

«Сексуален Эдвард Каллен, Эдвард Каллен сексуален».

Тема поморщился. Отфыркнулся от затекшего в нос молока.

— Значит, ты обычный псих. И чего это я тебе верю на слово...

— Я не псих. Ты все видел ночью на перекрестке. Может, Виктора не было в твоих видениях, потому что я забрал его душу, а может... Всякое может быть. Разбираться надо. Поэтому пошли. Все уже. Полегчало. Вижу.

И они пошли.

Москву окутывал долгожданный прохладный вечер. Ветер пробирался под куртку Артема, теребил мятую футболку с Маяковским, нашептывал летнюю сказку о переулках и асфальтной крошке. Приносил запах сновидений, укутывал в пыльном облаке проспектов и улиц. Малиновый закат раскрашивал облака. Пепел сгоревшего дня прятался в оконных бликах желтых пятиэтажек.

— У вас когда реновация? — будничным тоном спросил Ян, сунув руки в карман толстовки. Размеренным шагом они шли по тротуару, слушая отдаленный гул машин, мед-

ленно приближались к полицейскому участку. Тема устал. От панической дрожи, от ватных коленей, от новых открытий и удивлений. Устал так сильно, что окончательно потерял страх. Больше всего хотелось лечь спать. Затеряться во снах, перестать думать о реальности происходящего, утонуть в ночной темноте.

— Не знаю, — отсутствующе буркнул он и пнул лежащий на дороге камушек.

— Как это? — упырь нахмурился. — Живешь и не знаешь? А домового, что? Бросишь?

— Какого еще домового?

— Квартирного.

— Он не мой. Он дядь Коли. Пусть дядь Коля о домовом и заботится.

— Вот за такое отношение домовый тебе всю технику переломает. Уважать надо Хозяина Мохнатого.

— Призову на помощь фиксиков. Дурдом. Давай, еще расскажи, как я должен за домашними существами ухаживать. Тьфу, — раздраженно хмыкнул Артем. — Я спать хочу. Забыть обо всем хочу. Не умещается это в моей голове.

— А о чем ты думал, когда к бесу шел? Чего хотел? Поиграться и силы отринуть? Это так не работает, Тема. Раз к тебе силы пришли, значит, так оно и надо. Значит, не просто так ты эти силы получил.

— И что это за силы?

— Это у тебя спрашивать надо. Я сегодня с утра прохо-

дид мимо перекрестка и заметил то, о чем ты говорил. Там клумбы прогнили. Видел? Кусты засохли. За ночь.

— Не наблюдал. Меня, кроме полицейских машин, ничего больше не интересовало.

— Это зря. Учись по сторонам смотреть. Теперь от этого может зависеть твоя жизнь.

— А чего ты добренький такой? — не выдержав, возмутился Артем. Впечатался в землю и застыл напротив Яна. Морщась, задрал голову и уставился упырю в глаза. Резануло сталью, прошибло холодом и темной притягательностью. — Вроде вчера душу у мужика съел. И на мою душу тоже... позарился.

— Не голодный, вот и добренький, — хмыкнул Ян, даже не моргнув.

— Я никуда не пойду, пока на вопрос серьезно не ответишь.

— Жалко тебя стало. Дурной ты и слабохарактерный. Когда таким на голову силы падают, они потом тварями последними становятся. Надо тебе хоть что-то объяснить да рассказать. Только инициировался, а завтра, глядишь, голову отвинтят, если правилам не обучить. Из-за Виктора еще в говно наступил. Ты помогаешь мне, а я тебе. Ты свидетель моей непричастности, а я — твой щит, пока другие не поняли, кто ты и о чем. Если они тебя сами найдут — хуже будет. Сразу обвинят во всем. И все. И прощай крыша над головой.

— То есть меня убьют за то, чего я не делал?

— Убьют. Или накажут. Что хуже, думай сам, — Ян серьезно кивнул. — Они разленились, твари. Вместо того, чтобы искать виновного, тычут пальцем в первого встречного. Поэтому мы с тобой в одной лодке.

— И какой полицейский тебе поверит?

— Святослав Богданович.

— Это еще кто?

— Лихо. Местный. С района.

Артем похлопал глазами и чуть не задохнулся от возмущения. Мир свихнулся. Или он и вправду был всегда таким ненормальным, просто Тема этого не замечал?

— Не пялься так на меня. Я же сказал, ты просто по сторонам не смотришь, — Ян спокойно пожал плечами и подошел к пропускной будке. Вытащил из кармана паспорт с кожаной обложкой и позолоченным гербом СССР. — Ты с собой документы взял?

Тема кашлянул:

— У тебя подделка?

— Что?

— Паспорт.

— Нет. В «Госуслугах» тоже наши сидят. Каждые тридцать лет документы меняют. Раньше легче было, сейчас, конечно, с этими нововведениями...

— Все! — отрезал Артем и тряхнул головой. — Не продолжай, я понял.

— Твои-то документы где?

— Забыл.

— Жди, — раздраженно бросил Ян и, смерив Артема взглядом, полным отвращения, ускользнул в будку.

Артем замер у шлагбаума. Похлопал себя по карманам, проверяя наличие сигарет. Не нашел. Вспомнил, что бросил курить, а последнюю пачку покупал для беса. Машинально потер спину, проверяя не сидит ли там какой-нибудь черт с перекрестка. Никого не обнаружил и выдохнул с облегчением. Мало ли, что там упырю привиделось.

Да... Вот тебе и дивный новый мир. Вот тебе и интересная жизнь в Москве, о которой мечтал Артем, уезжая из Вологды с одной спортивной сумкой и гитарным чехлом на плече.

Лучше бы в родной берлоге остался, честное слово. Ездил бы к бабуле на выходные, копал бы картошку.

Воспоминания о былом нарушил Ян. Он вывалился из будки и поманил Артема за собой.

— Пошли, — сказал. — Нас ждут.

...

В полицейском участке пахло хлоркой. Сновали уборщицы с тряпками, покидали кабинеты люди в форме, торопливо собирались домой. Ян вел Артема вдоль коридора к самому последнему кабинету под номером «17».

Отчего-то Теме вспомнился кабинет директора Акулы из книги «Дом, в котором...». Он даже не удивился бы, если б в нем, под огнетушителем, восседал противный мужичок с мерзопакостным характером.

Но все оказалось совсем не так.

Ян уверенным движением толкнул дверь и пропустил Те-му вперед.

Вместе они застыли на пороге.

За столом сидел жутковатого вида тощий мужчина с острыми скулами и повязкой на одном глазу. Мерзкая ухмылка расплылась по бледной морде, как только Артем и упырь вошли в кабинет. Гнилой запах трясины и болот ударил в нос похлеще утреннего аромата пота.

— Буянчик! Добрый вечер! Наконец-то ты явился с повинной! Пересвет Злоболобович мне всю трубку прозвонил! «Явится-явится, не убивец, не убивец!». Давай. Садись. Пиши, дорогой мой.

— Что писать? — мрачно спросил Ян и склонил голову набок. Тема уперся спиной в закрывшуюся дверь. Сердце глухо ударило в ребра. Да уж, а он думал, что ничем его больше и не напугаешь.

— Повинную. А зачем ты явился? И этого еще... одержимого притащил.

— Он не одержимый. Свидетель. Пересвет Злоболобович разве не рассказал, что я его искать пошел? Никого не убивал. Свидетель подтвердит.

— Может, тогда твой свидетель и убил? — хищно оскаллился полицейский-лихо, придвинулся ближе к столу и сложил локти на деревянную поверхность. — Как тебя звать, свидетель? Давно черта за спиной таскаешь? Да еще такого

рогатого...

Артем кинул потерянный взгляд на Яна. Упырь кивнул: мол, объясняйся.

— Артем Раевский меня зовут. Я... вчера пришел на перекресток, приносил жертву бесам. Просил сил. А там, на другой стороне, был Ян.

— Буян? — переспросил Лихо.

— Ян.

— Буян, — кивнул с утверждением. — И что Буян делал?

— Стоял с мужиком. Разговаривал поначалу. Я ритуал проводил. Потом заметил, что Ян его душит. У меня пошли видения всякие. А дальше... дальше все закончилось, Ян от мужика отступил и ушел. Мужик остался. Стоял и смотрел на меня пустыми глазами.

— А потом?

— Потом я тоже ушел. Дурно стало.

Святослав Богданович с интересом заглянул за плечо Темы. Помялся на стуле и нахмурился:

— И зачем ты его привел, Буянчик? Только работы новой навесил... Сразу бы сказал — тот-то остался на перекрестке. Тот-то убил.

— Не убивал я никого, — перепугано крикнул Артем.

— Разбираться будем. У тебя пока что иммунитет. Только-только в некроманты заделался. Не приведете ко мне настоящего убийцу с доказательствами — дело передам высшим инстанциям. Где это видано? Ты, Буянчик, получил раз-

решение только на душу. Ваша квартирка уже всем плешь проела. Если до следующего месяца не разберетесь, за своеобразие головы с плеч полетят. Ты смотри, Пересвет свой срок отмотал столетие назад на Соловках. Тюрьма хоть для нечистых, хоть для смертных — неизбежна.

— Мы идти можем, Святослав Богданович? — спокойно поинтересовался Ян.

— Я тебе пояснил все, как есть. Пока ты главный подозреваемый.

— А камеры, что? На каждом шагу ведь висят, — нервно переспросил Артем.

— А камеры упырей не засекают. И всякую... силу нечистую.

— Но на камерах же... меня нет?

— Тебя нет. Был, со своим мясом. Но ушел. А мясо осталось. Тебе впаяю вандализм. Если вести себя плохо будешь.

Артем нервно кивнул и покосился на Яна. Ян, все с таким же каменным спокойствием, перекатился с пяток на носки и затолкал руки в карман толстовки.

— Выясним. Приведем. Только, если вы не будете участвовать в поисках, я тоже в высшие инстанции сообщу. Не только моя квартирка всем плешь проела. Ваше нахождение здесь многих не устраивает. Сидите, пальцем не пошевелите.

— Повоевать со мной решил, заложенный? — постучал по столу карандашом Святослав Богданович.

Ян сцепил зубы. Недовольно цыкнул и развернулся к две-

ри.

— Я вам все прояснил. Мы всей квартиркой обращаться будем. За то, что не выполняете свою работу и превышаете полномочия. Пошли, Раевский. Нам здесь больше делать нечего.

— Подпись-то, как свидетель опрошенный, поставьте, Артем, — расцвел в доброжелательной улыбке Лихо.

— Не ставь ему ничего. Пока что, — приказал Ян, схватил ледяными пальцами Темку за запястье и поволок прочь из кабинета. — До свидания.

Оказавшись на улице, Артем поглубже вдохнул свежий московский воздух. Он смешался с запахом земляники, исходящим от Яна.

— Буян? Это типа полное имя? — спросил Тема, упершись руками в колени. Страх отступил. Теперь, когда его ни в чем не обвиняли, дышать стало совсем просто.

— Сам как думаешь? Я старый. Сокращаю, как вы привыкли сокращать. Приходится подстраиваться под новые порядки, — бесстрастно сказал Ян и облокотился о фонарный столб. Сложил руки на груди и пристально осмотрел Тему. — Можешь идти. Больше не требуешься. Дальше как-нибудь сам разберешься с новыми силами.

Стало обидно. Артем еле удержался, чтобы не всхлипнуть. Как же нечестно и несправедливо!

— Нет уж. Так не пойдет, — заявил возмущенно. — Получается, что ты мной воспользовался, я уже вторые штаны

поменял, от страха чуть не сдох. А теперь кидаешь со словами «сам разберешься». А ты? Тебе же надо найти этого... убийцу. А я что-то да видел. Нечто. За твоей спиной.

— Больше. Не. Требуешься, — четко выговорил Буян, выделяя каждое слово мрачным тоном.

— Это потому, что я услышал что-то не то? Тебя задел этот... лихо. Я услышал, и ты решил не иметь со мной дела? Что-то личное? Про заложенного?

Ян недовольно цыкнул. Бросил на Артема холодный взгляд, прищурился и дернул подбородком, как злая кошка.

— Чего ж ты лезешь? Сам недавно хотел, чтоб от тебя все отстали.

— Мне до чертиков противно! Значит, я открыл для себя новый мир, ты мне про него чуть-чуть рассказал, сделал то, для чего я тебе был нужен, бросил пару слов о том, что тебе меня жаль, а теперь говоришь: пошел нахер! Ты реально упырь какой-то. Вместо того, чтобы по-человечески принять помощь, потому что я тебе нужен, ибо я один видел эту... субстанцию, которая могла быть убийцей, ты отказываешься! Да еще и с таким надменным видом, словно я... насрал тебе под нос!

— Хорош, — поморщился Ян с отвращением. — Хватит нецензурщину произносить. Тошнит от нее. Еще и на филолога учишься... Ясно, почему до МГУ не дотянул.

Ну все. Это перебор.

— Дотянул я до МГУ, — процедил Артем сквозь зубы.

— Только с бюджета слетел. Взяли иностранца, вместо меня. А на платку не могу. Денег нет. Значит, так. Если ты поступишь со мной, как скотина, я имею полное право воспринимать твои слова, как чистую ложь. И про помощь мне, и про жалость. Я тебя возненавижу и порчу нашлю. И стану злым колдуном. Вот и все. Понял?

— Тебя лихо на прицел взял. Не станешь. А если станешь — наказание понесешь.

— С чего это? Если я колдун — творю, что хочу.

— Если это никому не вредит. Ты дурак мелкий, и ничего о нашем мире не знаешь. Есть правила. Мы живем, но шибко никому не вредим, а если вредим — то по делу. Иначе — секир-башка. Потому что, чем больше мы творим зла, тем сильнее подставляем себя смертным.

— Так ты зло сотворил. Ты мне соврал. Имею полное право.

— Зараза, — сдался упырь и закатил темные глаза. — Ладно. Ишь как разнылся. Ты бы еще ногами затопал. Развелось же вас тут, чудиков.

— Порчи испугался? — еще чуть-чуть и Артем кинулся бы на Яна с кулаками. Обида душила дьявольски. Столько всего испытать, чтобы потом от него так просто отказались! Выкинули, как использованный презерватив! А все почему? Разве Темка сделал что-то не так? Послушался, выполнил просьбу Яна! И ради чего? Чтобы с ним обошлись вот так?!

— Может, и испугался. Не знаю же я, на что ты способен.

— Или я твою совесть уязвил? Хочешь быть хорошим упырем?

— Отвали. Если ты собираешься за мной таскаться, никаких разговоров о заложенных. И вообще... В душу мою не лезь, ничего не найдешь. Нет ее у меня.

— Как скажешь, — радостно кивнул Артем. Настроение тут же сменилось.

— Будем разбираться с твоим Нечто. Может, ты и прав. Беру тебя только поэтому. И по справедливости.

— Так точно!

— Иди домой. Завтра за тобой приду.

— Нет. Так не пойдет.

— Почему? — Ян с раздражением уставился на Артема.

— Потому что ты можешь не прийти. Тебе нужно связать меня со своим миром, чтобы я знал, что у нас все серьезно. Лихо сказал, что у тебя есть квартирка. Скажи, а не отключили ли в твоей квартирке горячую воду?

Глава 4

Семейка

«Квартирка» Яна находилась в серой сталинке неподалеку от метро и перекрестка. Пятиэтажное обветшалое здание сыпалось пыльной крошкой, пахло мокрым бетоном и штукатуркой. Древний монолитный монстр прятался в тени новостройки. Он был выходцем из другой страны, остался здесь памятью о далеком прошлом. Во двор выходили всего два подъезда, у каждого ютились по две уродливых голубых лавочки. На них заботливые работники «Жилищника» прозрачным скотчем прилепили мятые листки бумаги. Поплывшая принтерная краска предупреждала: «Окрашено».

Стукнули бледные пальцы Яна по домофону. Набрали код, который Артем тут же проговорил про себя, чтоб уж наверняка запомнить. Звякнул хриплый динамик, размагнитился замок, прогрохотала тяжелая дверь подъезда.

Пришлось преодолеть четыре лестничных пролета, запыхаться из-за болящих коленей, перед тем как постучать в квартиру с высеченным золотистой гравировкой номером 19.

— Снимаешь? — спросил Артем, переминаясь с ноги на ногу.

— Нет.

— Твоя?

Упырь в ответ лишь кивнул. Обжег Артема презрительным взглядом, стукнул костяшками в дверь, поморщился и перекатился с пяток на носки. Сунул пальцы в карманы, с явным раздражением принялся искать ключи и наконец отвел:

— Моя. Купил.

— Ничего себе... — Артем задумчиво оперся о лестничные перила. Оглядел потрескавшийся потолок, с которого от влаги сыпались чешуйки штукатурки. — Смотрел я, сколько здесь квартиры стоят. На Октябрьском поле, в смысле. Это же лямов семнадцать за однушку. Ты кем работаешь?

— Раньше цены другие были, — буркнул Ян и тихо выругался. Дернул ручку и снова постучал. — У меня нет официального трудоустройства. Я так... Для души. Маюсь.

— Души же нет.

— А ты филолог, — упрекнул упырь. С недовольством покосился на Тему и с силой грохнул кулаком об дверь, — должен понимать всякие присказки.

Артем вздрогнул. Ишь как... Разбуянился.

В квартире слышались шаги. Донеслось ворчливое:

— Иду! Нечего ключи дома бросать, открыл тут... проходной двор! Кто хошь заходи... Что хошь бери!

— Папенька? — спросил Артем. Скольких отцов он повидал в гостях у знакомых и однокурсников, но такого сварливого голоса в жизни не слышал.

Мелькнули демоническим пламенем глаза Яна. Скриви-

лось в гневе бледное лицо. Упырь так и не успел ничего сказать — скрипнул замок, распахнулась дверь.

Влетел в подъезд стойкий аромат цитрусов и кедра.

На пороге стоял высокий широкоплечий мужик в старенькой майке и спортивных штанах с пузырями на коленях. Почему-то дядька напялил левый резиновый тапок на правую ногу, а правый — на левую. Длинные темно-русые волосы топорщились на голове. Один глаз — белый, видимо, слепой — щурился, а вот второй — зеленый, цвета свежей травы — широко распахнулся и с удивлением рассматривал Артема. Небритое щетинистое лицо засветилось странной радостью.

— Эк, как! Ишь, кого сила нечистая принесла, — заговорил мужик внезапно сменившимся, медовым голосом. — Ты зачем смертного притащил, Янчик-Буянчик?

— Пусти уже, — процедил Ян сквозь зубы и отпихнул мужика с порога. — Дай в дом пройти. Устал.

— В гробу отдохнешь, — хихикнул дядька и кивнул Артему, заходи, мол, коль пришел. Шаркнул тапками, совсем как старик Колян, и пропустил гостя в длинный коридор.

Укутало теплым светом. Он лился из настенных светильников в форме цветков с изумрудными лепестками.

Под ногами обнаружили советские ковры с причудливыми узорами. В детстве бабуля повесила такой у себя над кроватью, и маленький Темка водил по узорам пальцами, воображая скачущих пестрых зверей.

Артем неуверенно помялся на пороге и принялся расшну-

ровывать кеды. Ян распахнул дверцы старенького, но ухоженного шифоньера, выудил тапки и бросил перед ним.

— Пошли быстро, — приказал. — Покажу, где ванная, а потом домой умотаешь. Мне не до гостей.

— А-а-а! — вскрикнул дядька, который быстренько смотался в сторону кухни. Он сидел теперь за столом и выглядывал из небольшой арки-проема, наблюдая за незванным гостем. — Так ты водонагреватель наш транжирить пришел?

— Ты на вопрос не ответил, — пробурчал Артем и побрел за Яном по коридору. — Это кто такой?

— Бомж. Один.

— Я не бомж! — возмущенно рявкнул оскорбленный дядька и, вскочив из-за стола, поспешил за ними. — А временно утративший жилище!

— Тебя почему Хозяин Мохнатый еще не выгнал? — оглянулся через плечо Ян. — Чего ты вообще себе позволяешь, Пересвет? Прозвонил участок, со Святославом Богдановичем на трубке сидел, обещаниями его кормил. А если бы я свидетеля не отыскал?

— Я с Хозяином Мохматым договорился. Конфеток ему принес. Батончиков. И молочка в мисочку налил, — важно заявил Пересвет, склонился над Артемом и принюхался. — Что ты ругаешься, коль свидетель нашелся? Ты, вон, в дом его притащил. А он еще и колдуном оказался. Здравствуй, гость незванный. Я — дедко лесной. Пересвет Злоболобович. Буянушка, поди, много чего про меня нарасказывал.

— Вообще-то ничего не говорил, — пожал плечами Тема.

Из каждого угла в этой странной квартире веяло комфортом и спокойствием. Артем представлял себе, что жилище Яна будет похоже на «нехорошую квартиру», но все оказалось совсем иначе. Пересвет напоминал ему собственного деда, пока тот не свихнулся и не укатил в дурдом. Да и атмосфера была, как в детстве, когда они всей семьей жили в двушке на окраине Вологды. Потом дед с бабулей вернулись в родную деревню, мама решила перебраться поближе к центру, а детство закончилось.

— Он леший. Только без леса, — отмахнулся Ян от деда, схватил Артема за запястье, дернул на себя ручку двери и толкнул в ванную. — Хорош мяться. Сейчас принесу полотенце. Таз на стиральной машинке не трогай. Мойся и уходи.

— Я тебя чаем напою, колдун! Ты не обращай на Буянчика внимания, мы тебе с Лютиком гостеприимство устроим! Он как раз с работы вертается! — проорал вслед Пересвет. Дверь за спиной с грохотом захлопнулась.

Артем осмотрелся. В ванной повсюду висели полки, заставленные разными бутылками и аромадиффузорами с пропитанными парфюмом палочками. Смесь пряных и ореховых запахов мешалась в воздухе. И чего Ян такой недовольный? Чего ему в жизни бессмертной не хватает? Жилье неподалеку от Садового кольца есть, деньги есть, работает для себя. Ремонт в квартире относительно свежий. Может, хлама советского и многовато, но он лишь добавляет анту-

ражу аутентичности.

Взгляд упал на синий глубокий тазик, оставленный на стиральной машинке. Тема с интересом подошел поближе, заглянул в емкость и нахмурился. Обычная прозрачная водичка. И чего его трогать нельзя?

Нос уловил сладковато-приторные нотки. Где-то он уже слышал подобный аромат, но вот где, так и не вспомнил.

Пожав плечами, Артем наконец разделся и со спокойной душой забрался в ванну.

Выкрутил кран и задремал в теплой воде, даже не услышав, как Ян занес ему полотенце.

...

Проснулся Тема, когда коридор разразился громкими голосами. Залаяла какая-то собака, зашуршали в прихожей куртки.

Подушечки пальцев сморщились, зато усталость, что накопилась за вчерашний и сегодняшний день, как рукой сняло. Тема быстро вытерся махровым полотенцем, оделся и выглянул в коридор.

С кухни доносился оживленный разговор:

— А ты спросил? Ян, ну кто ж так делает! От него колдовством за три версты несет, черт-то перекрестный силу ему поверил, оно издали видно! Что ж ты рот-то свой открыть не можешь, когда надо? Дело чрезвычайной важности, упекут ведь! Еще и гонишь подальше от себя! Все уже, сдавайся! Пришло время в услужение пойти, не отвертись! Если во

время обряда ты с ним столкнулся, если жизнь вас связала, значит, сколько ни противься — все равно придется!

— Легко тебе говорить, дедко, — хмыкнул Ян. — От тебя подобной дряни не требуется.

— А я бы был не против, — послышался незнакомый тоненький голосок. — Наоборот... Так и смысла жить больше.

Тема преодолел коридор и заглянул в арку. За столом сидел, развалившись, Пересвет, на его коленях ютился пес, кажется, хаски, а на небольшом диванчике жался светловолосый голубоглазый парень-подросток в свитере с высоким воротом.

Ян стоял в отдалении, сложив руки на груди и опершись о кухонную тумбу.

— Садись, — закричал дедко и выдвинул из-под стола табуретку. — Сейчас Лютик тебе чай нальет. Лютик, поздоровайся уж с нашим гостем. Чего весь скукожился?

— Здравствуй, — засмутился пацан, густо краснея. Дрогнул тоненький жалобный голосок. — Я... Я Лютой. Ну, или Лютик. Как вам будет удобней.

— Я Артем. Можно на «ты». — Тема опустился за стол и пододвинул к себе винтажную чашку в блюдечке. Лютик тут же подхватил чайник, не глядя в глаза, наклонил носик и налил Артему чай.

— Значит так, Артемка, — начал Пересвет и подвинулся ближе. В его растрепанной копне волос Тема заметил то ли репейник, то ли какие-то веточки. Хотел было сказать, но

опомнился, что перед ним леший сидит. Вроде обычный мужик, только наполовину слепой, но было в нем что-то диковато-жуткое. Хтоническое. — Ты ключик к разгадке неожиданного бедствия, постигшего наш район. Мы, видишь ли, не в ладах с местными полицаями. Они всячески нас изжить пытаются уж не первый век. Да ты и сам понял, что Янчик у нас по тонкому лезвию бегаёт, в любой момент соскочить может. Надо его выручать. Как на это глядишь?

— А ему надо, чтоб его выручали? — Артем покосился в сторону Яна с легкой ухмылкой. Чувствовал он себя настоящим героем, в котором нуждалось человечество. Ну, или не человечество, а кучка психов, возомнивших себя нечистой силой. В любом случае, мир и происходящие в нем события казались сюрреалистичными и ненастоящим.

— Он у нас считает, что все ему дозволено, — фыркнул дедко и махнул на помрачневшего Яна рукой. — Его в ежовых рукавицах держать надо. Помощь, когда надо, не попросит. Горделивый больно. Его если не выручить — пустят на мыло.

— Вы поймите меня, Пересвет Злоболобович, я в ваш мир только вчера попал. Для меня все это похоже на нелепую шутку. Я ничерта не соображаю.

— Это нормально, — тихо сказал Лютой. — Я тоже ничего не понимал. Все, кто на эту сторону попадает не по своей воле, ничего не соображают. Нужна... — он запнулся и спрятал глаза, — а... адаптация.

— Ладно, — Тема пожал плечами. Лютик прав. Человек — существо адаптирующееся. Пару дней, и Артем привыкнет к новым порядкам. Тем более, казалось, жизнь всегда готовила его к магическому вторжению извне. Фильмы, сериалы, любимые книги — все было о магии и волшебстве. Это пахивало синдромом избранного и тешило самолюбие бедного студента. «Ладно, хоть не пошел бабку топором рубить, чтобы Наполеоном себя почувствовать», — подумал Артем, но тут же вспомнил перекресток с протухшим мясом, и стало не по себе. Лучше уж о чем-нибудь другом поговорить.

— Ян — упырь. Дедко ваш — леший. А ты кем будешь? — спросил он мальчишку.

Лютой покраснел и снова смутился. Тема понял, что его собеседник не любит излишнего внимания, да еще и в себе не уверен. Интересно, есть ли у нечисти свои психологи?

— Я... мавка. Поэтому тебя понимаю. Я тоже не по своему желанию оказался на этой стороне.

— Хорош перед ним смущаться, — рявкнул Ян и оттолкнулся руками от тумбы. — Раевский знал, на что шел. Это было его желание — в нечистые записаться. Ибо нехер приходить на перекресток с жертвой для черта.

— Так! Не ругайся! — бухнул Пересвет. Единственный глаз засветился изумрудным огнем, зашевелились темные волосы, потянулись ветвями из головы лешего. Артем пожегил и прикрыл рот ладонью. Если до этого момента он

еще не сошел с ума, то сейчас точно свихнется.

Собака, до этого мирно спавшая на коленях лешего, вдруг подскочила и оскалилась. Гавкнула несколько раз и спрятала морду под столом.

Ян сник. Вернулся в прежнее положение и уставился в окно. Обиделся, кажется.

— Ты прости, — извинился дедко. Подхватил блюдечко, налил в него чая и, причмокивая, похлебал. — Не переносу матерщину. И этот тоже не переносит, Хозяин Мохнатый. Выскочит и из дома погонит. А мне надоело в жару без вентилятора на лавочке спать.

— Вентилятора, дедко, — аккуратно поправил Лютик. Глаза у мавки покраснели, словно еще чуть-чуть — и он заплачет.

Тема покосился на Яна. И чем он не угодил проклятому упырю? За что Буян взъелся на него? И как к нему поближе подобраться?

— С вами еще кто-то живет? — спросил Артем, сжимая под столом дрожащие пальцы.

— Хозяин Мохнатый. Надька. Еще Костя, он вечно на работе пропадает. И Софья Константиновна. Но Сонюшка в отъезде. Недельку назад приболела, — Пересвет недобро покосился на Яна. — Да... Большая у нас семья. Благо, всем места хватает. И тебе хватит, коль помогать нам решишь.

— И все — нежить? — похлопал глазами Тема. Предложение найти ему место в этой чудной коммуне не радовало,

а скорее пугало. И куда он только полез?

— Ну, как нежить. Кто нежить, а кто жить. Костик у нас волкодлак. Сонюшка в бубен бьет. А Надька еще лет семь на четырех лапах бегать будет.

В подтверждение своим словам дедко почесал собаку за ухом. Нихера это не хаски, вдруг понял Артем. Это волчица.

— Надька, что... взапери?

— Ага. Не сообразила, как ей в человека превратиться. Хреновое заклятье. Они с Костиком из Беларуси приехали. Долгая история. Потом как-нибудь расскажу. Ты мне лучше скажи, Темочка, что за тварь ты не перекрестке увидел?

Тема помялся. Дрожь унялась. И действительно, чем дольше он находился под крышей с чудиками, тем быстрее к ним привыкал. И в своих чудачествах находил реальность и скрытый смысл.

— Ну... Это что-то бестелесное было. Черное. И все рушилось вокруг. Земля гнила.

— Это плохо, если в твоих первых видениях Земля-Мать гниет. Не должно быть такого. Что-то с миром нашим происходит. Я у своих сегодня поспрашивал, мне ж этот наш упыренок уже с самого утра все доложил. И про тебя, и про Виктора несчастного. Поговаривают, что не один ты в это полнолуние с такой дрянью столкнулся. Только существо не видел никто, но в парке Горького все клумбы плесенью покрылись. Земля, говорят местные, сухая и в трещинах. Шабаш вчера был в Сокольниках. Полнолуние ведь. Ведьмы, и

те, обряды совершить не смогли. Тоже на землю жалуются. Словно корни под ногами пропали. Все тут, ребятки, переплетено. И раз ты эту тварь увидел, хоть краем глаза, значит, не просто так.

— Я, получается, избранный? — моргнул Артем.

— Какой ты избранный, идиот? — прошипел Ян. — Ты по воле случая увидел то, что не увидели другие. Ты и с силами-то обходиться не умеешь, слишком многое о себе возо...

— Буян! Ну-ка! Я тебя предупредил! — Пересвет стукнул по столу кулаком. Брякнули блюдца, подскочили со звоном чашки. Дернулся испуганный Тема. — Дорогой мой, неуспокоенный, наворотил дел, вот сиди теперь да помалкивай!

— Я не воротил. Сказал же. Никого не убивал. Ты чего, старый, решил, что я дебил?

— Дебил. Самый настоящий дегенерат, — озлобился леший. — Я тебе говорю, в этом точно есть связь. Витька пусть и заслужил гибели, но с нашего сообщества обвинения нужно снять. Иначе начнется... Вся Москва потусторонняя возмутится. Эк, почему им убивать можно, а нам нельзя? И Ладу нечистый принесет, и измайловские подтянутся... Со всех сторон света явятся и сами нас пришьют! Дело-то в обвинении! Если уж лихо, с которым мы не поладили, слух по миру пустит — кабзда наступит!

— И что, надо теперь перед недоделанным чернокнижником унижаться? — рыкнул Буян и уставился на Артема почерневшими глазами. — Да мне душу надо было из него вы-

рвать с самого начала...

— Прекрати, пожалуйста, — жалобно всхлипнул Лютик. Залаяла Надя, соскочила с коленей Пересвета на пол.

— Успокойся, невротик, — подал голос Артем. Страх отступил. Яна он больше не боялся. Злился только за его непонятное отвращение. — Я всего лишь свидетель. Надеюсь, в дальнейшем наш с тобой контакт либо сойдет на нет, либо перестанет быть таким токсичным.

Ян поморщился. Цыкнул и снова отвел взгляд.

— Надька! Надька, а ну молчать! — прикрикнул на волчицу Пересвет, потянул к себе за розовый ошейник и усадил рядом. — Ты не обращай внимания, Темочка. Буяну, как и любому упырю, предназначено в услужение колдуну пойти. Он тебя боится, тварь такая. Вот и ведет себя, как последний дегенерат.

— В слугах не нуждаюсь. Не беспокойся, — Тема слабо усмехнулся. Вот оно как. Надо будет покопаться в интернете, почитать хоть про славянскую нечисть. — Не дотягиваешь ты, Ян, до моего уровня. Сам когда-нибудь попросишься, а я не возьму. Умолять будешь, обещаю.

Буян скривился. Перекатился с пяток на носки, развернулся и пошел прочь из кухни:

— Сидите здесь. Облизывайте этого идиота и дальше.

Грохнули двери. Прошла по стенам дрожь.

— Заперся. Ты не удивляйся. Он чувствует силу, которой тебя черт со спины наградил.

— Он все еще на моем плече сидит? — Артем перебрал плечами и наконец выдохнул с облегчением. Все-таки присутствие Яна его напрягало. Пусть посидит, пообижается. А Тема свое обещание выполнит. Обязательно. Только разберется сначала, что к чему...

— То приходит, то уходит, — помахал большой ладонью Пересвет. — Проверяет. Он тебе награду дал, теперь ждет, когда ты ею воспользуешься. Не пробовал пока силы применять?

— Нет еще. Сегодня вечером приворотом заняться хотел.

— Никаких приворотов! — Леший мотнул головой. — Как только в ту сторону двинешься — так и будет к тебе всякая дрянь липнуть. Ты лучше попробуй снова. Заглянуть куда надо. Поискать тварь с перекрестка.

— А как? Где-то внутри есть рычаг, за который дернуть надо? — Тема устало потер виски. Вот и накатила ответственность, а ее Раевский не выносил.

— Видимо, есть. Сонька, например, в бубен бьет. Ее так на Севере учили. А ты попробуй настроиться по-своему. Силу же без наставника получил, значит, и научиться сможешь без наставника.

— Я попробую. Но... я вроде как неудачник. У меня ни черта с первого раза не получается.

— Связала ж судьба... — вздохнул Пересвет. — Ладно уж. Пробовать надо, а не отрещиваться заранее. Я к тебе завтра Буяна отправлю. Он продышится, подуспокоится. То-

го гляди Костик вернется, я его поговорить с ним заставлю. Ян придет, извинится по-человечески, а дальше уж поговорите. Он тебе поможет.

— Как?

— Личным опытом поделится. Сам колдуном был при жизни. Упырем, умерев, стал, как заложили.

— Когда лихо сказал про заложенного, Ян на него чуть с кулаками не кинулся. Большая тема? — поинтересовался Артем, допивая остывший ромашковый чай. Знают нечистые, как успокаивать надо.

— А кому будет приятно, что его мертвого не закопали, как надобно, а в лесу бросили, веточками да отходами человеческими прикрыли? Раньше только так и хоронили колдунов. Считали, что Мать-Земля отвергнет. А Мать-Земля никого не отвергает. Всех нас, дураков, на своем горбу носит. Всех калек да скотов любит. Потому и страшно, что с ней что-то случится. Расколется Мать-Земля, кому мы станем нужны?

Артем поерзал на табурете. Перевел дыхание.

— Ладно. Я попробую. Кажется, что ваше семейство — хорошая опора.

— Хорошая-хорошая. Мы тебя, Темка, на ноги поставим, научим, чему сможем, и задирать не позволим. Ты смотри, много в Москве нежити по углам прячется. Чего только с юными колдунами не делалось в этом городе! Ты нам нужен. А мы нужны тебе. Коль выпала такая доля, значит, так надо.

Не выбирать нам свою судьбу, Темочка.

— Много таких семейств в Москве живет?

— Целые группировки. Каждая свои порядки на районах наводит. У нас, в центре, еще мирно, а вот поближе к МКАДу... Там эти, понаехавшие, такие кошмары творят, не пропихнешься.

Пребывающий в молчании Лютик хихикнул. Тема вздрогнул. Совсем забыл о тихом собеседнике. Умудрился же мавка словно раствориться в воздухе, будто невидимым стал.

— Чего ржешь? — нахмурился дедко и сердито уставился на Лютого.

— Это ты все на лешего голяновского злишься?

— Ну-ка, не позорь меня перед гостем. Ступай к себе. И короб свой проклятый захвати. Воняет от него... Сушками и рыбищей.

— Суши, дедко, — весело поправил Лешего Лютик, плавным движением соскользнул с диванчика, подхватил курьерскую термосумку с желтым логотипом известной службы доставки и, помахав Теме бледной тонкой ладонью, скрылся в коридоре.

— И тебе, добрый молодец, перину накрыть могу. Надо? Или домой пойдешь?

— У меня телефон разрывается от звонков. Маменька. Пойду к себе. Завтра с утра еще в больницу смотаться надо.

— К дядьке Коле? — блеснул зеленым глазом леший. — Привет ему передай.

— Вы знакомы?

— В поликлинике в одной очереди сидели. Потом чекушку пить ходили. Хороший мужик, угощать умеет. А-то нынче ни подношений, ни крошки хлеба, ничего не перепадет старому лешему. Экий век технологий... Забыли люди, кто их земли бережет. Иди. И так мы тебя задержали. Завтра жди к обеду Буяна. Никаких себе дел не устраивай.

Тема кивнул. Подхватил пустую чашку с блюдцем, аккуратно положил в раковину, помыл за собой и умчался в коридор зашнуровывать кеды.

Клонило в сон. Дедко Пересвет проводил Артема до порога, закрыл дверь и, шаркая тапочками, уплелся к себе.

А Тема шел по улице. Вдыхал запах лета и думал о кустах земляники, которую собирал на кладбище.

Думал.

И все становилось понятным.

Глава 5

Пой мне еще

— Как сработало?! В смысле?! — подлетел с компьютерного кресла Артем, прижимая к уху смартфон. Взмыла в солнечных лучах золотистая пыль. Хрустнул под ногами паркет. Перед глазами вспыхнули багровые пятна, колени запружинили, разметались по комнате искры.

— Вот так, — хихикнул в трубку Славка. — Стонали всю ночь. Сегодня за ручку гулять пошли. Не торчишь ты больше Никитосу, получается. Анька на нем, как дикая, висит.

Тема выдохнул с облегчением. Затряслись вспотевшие ладони. Это как получается? Все? Даже корректировать ритуал не надо?

— Это Никитос мне теперь торчит. За фотки. Я вчера распечатал, а они негодились, — вспомнил Артем, подхватив со стола запечатанный конверт с фотографиями. Шлепнулась с плеч ответственность. Теперь и выпрямиться можно, и вдохнуть поглубже, и расслабиться как следует. Может, даже отпраздновать.

— Ты ему в общагу принеси. Кровью вымажи и под дверь подсунь, — предложил Слава и помолчал, затягиваясь сигаретой. — Пусть знает, гнида, что он теперь у тебя на крючке. Ведьмаку, типа, заплатите чеканной монетой.

Сегодняшний день прошел хорошо и спокойно, в сравне-

нии со вчерашним. С утра Тема созвонился с матерью, рассказал ей про своего нового друга-сокурсника, сочинил что-то про его крутого отца, с которым бухал дядь Коля. Пожаловался и на «лопнувшую» перцовку. Выслушал, как обычно, крики на грани слез, положил трубку и поехал к дядь Коле в больницу. Привез передачку, посидел с ним немного, извинился тридцать раз и вернулся домой. Решил посидеть и поиграть, но тут Слава позвонил — с радостными новостями.

— Записался к мозгоправу?

— Нет... — Артем появился у компьютерного стола и пошел в кухню заварить себе кофе. — Я смирился с тем, что до психа мне далеко. Но я запишусь. Всякое, знаешь ли, мерещится. У меня новые знакомые появились. Может, ты и не поверишь, но они тоже с прибабахом. Один упырь, второй леший, третий вообще... русалка, типа.

— Ты там не заторчал случайно, дружище? — спокойно поинтересовался Слава.

— Нет!

— А то смотри, в наше время легко на всякую химию напороться.

— Слав! Я серьезно!

— Ладно-ладно. Мне насрать, главное — про проекты не забывай. Наколдуй мне лучше денег, Тема. Хочу в барчик сходить. Или в таверну. По «Ведьмаку» которая. Отпраздновать надо, что Никитос от тебя отвалит. Поедешь со мной? Угощаю.

— Я же тебе еще ничего не наколдовал.

— Так че сидишь? Иди, колдуй.

Тема приснул. Залил горький молотый кофе кипятком и побрел с кружкой обратно в комнату.

— Я подумаю. Ладно, давай, Слав. У меня дела. Надо учиться колдовству. А то никогда ничего толкового не наколдую.

— Иди. Не вздумай прохлаждаться. Мне еще курсовую нашаманить надо.

Ударили в ухо гудки. Славка скинул трубку, оставив Артема наедине с мыслями и горячим кофе.

Хорошо. И что от него требовалось? Как выйти в это «астральное» состояние? Шаманы бьют в бубен. Им помогает ритм. А Теме что поможет, особенно когда голова кишит тараканами?

Раньше Артем медитировал на руны, и то не всегда получалось. Чаще всего он засыпал, утратив внимание и концентрацию. Медитация — тоже не выход.

Артем задумчиво выудил из рюкзака наушники. Осмотрел потертый белый кейс. Нудо учиться, раз он пообещал деду Пересвету помочь. Очередная ответственность. Миссия.

Ему вспомнились несчастные герои поп-культуры. Вот падает им на голову дар, укусит какой-нибудь радиоактивный паук, и они сразу становятся сверхлюдьми, которые готовы спасти человечество просто «потому что». Как они справлялись с грузом, рухнувшим на плечи? Совершенно

нереалистично.

У всех героев есть цель. А в чем цель Темы? Помочь защитить самовлюбленного упыря от других группировок нежити? Вклиниться в их чудную семейку, чтобы начать ориентироваться в новом мире?

Дурость какая.

Сюрреализм происходящего никуда не делся. Артему не верилось в новообретенные силы. А нет веры — нет и действия.

И все равно. Нужно пробовать, ибо обещание — есть обещание.

Артем вытащил из кейса наушники, воткнул в уши и включил свой любимый плейлист. Качнулся на рванном бите голос Дельфина. Брызнули солеными каплями ноты, шевельнулся рябью воздух. Повело в разные стороны, подхватило дыханием строки. Зашептал морской бриз, по коже побежали мурашки. Вскрикнуло небо голосами мальчишек, затанцевала на выжженном поле война. Всюду — трупы героев из книжек, еще недочитанных до конца.

Тема прикрыл глаза. Подпрыгнуло к горлу сердце, закружилось под свист ветра на аудиодорожке, застучало в ритм.

«Я теперь легче цветочной пыльцы, — с надломом и тихой печалью выдохнул Дельфин. — Летящий сквозь время в райском безбрежье, спрятанном в сердце последней весны».

Голос ускользал. Шептал дождевой водой. Звучал изнутри, струился сквозь поры, топил в туманной сырости.

Тема откинулся на спинку кресла. Сжал губы и обхватил дрожащие плечи. Приоткрыл глаза, затянутые серой пеленой, и вдруг различил сквозь стены светящийся призрачной дымкой силуэт Яна. Он быстрым шагом шел по двору, приближался к подъезду. Нет, Тема не увидел Буяна наяву, скорее почувствовал запах земляники и уголками глаз заметил сгусток темной энергии. Словно знал, что земля прогибалась под его легкой поступью.

«Если в дверь постучатся — значит, мне не померещилось. Значит, сработало», — подумал Тема, поставил песню на паузу и вернул наушники в кейс. Закружилась голова. Запульсировала тупая боль в висках.

Он подвинул к себе кружку. Сделал пару глотков кофе, обжег язык и поморщился.

«До костей сверкающей белизны, до черепов ослепительной глади», — прошептал себе под нос и поднялся из-за стола. Покачнулся, но двинулся к двери, как в бреду. Словно слышал, как подошвы кроссовок Яна собирают подъездную пыль. Вот они, шаркают по бетонным ступенькам, преодолевая этаж за этажом.

Тема коснулся входной двери. Положил ладонь на ручку и провернул замок. Не нужно было даже выглядывать в глазок, Ян стоял по другую сторону, замерев на грязном коврикe для обуви, и перекатывался с пяток на носки. Не было дыхания, не было пульсации сердца, но был стойкий запах земляники и темная дымка за спиной. Словно клеймо, что прицепилось

к упырю давным-давно.

Артем уверенно дернул ручку и столкнулся с холодным, как сталь, взглядом Буяна. Вспыхнули на запястьях мурашки, пробежались по коже к позвоночнику и щекам. Окаатило холодной водой, а затем бросило в жар. Глаза Яна поймали взгляд Артема.

«Душу сожру», — шепнуло подсознание.

— Войти можно? — голос упыря захрустел сухой листвой.

Побледневший Тема кивнул. Отошел от двери и пропустил гостя внутрь. Ян скинул кроссовки и уверенным шагом направился в комнату Артема. Тема, покачиваясь на ватных ногах, двинулся следом.

— Извини, — буркнул Буян и плюхнулся в компьютерное кресло. Подтянул к себе бледное колено, торчащее из широкой прорехи на рваных джинсах. — Возможно, я вчера был слишком груб.

— Возможно? — вскинулся Тема. — Я подумал, звездочки сошлись на небе. Наладился коннект, соприкоснулись нейронные связи и вообще...

— Ты подумал. На самом деле этого не произошло. Я лишь помог тебе промыть глаза. Все остальное — твои фантазии. Какой-то ты... слишком доверчивый. Сложно тебе в жизни, видимо.

— Мне — нет. А вот тебе с твоим избегающим типом привязанности, наверное, дурновато.

— Начитался психологических статей и на людей теперь

ярлыки вешаешь? — неодобрительно покачал головой Ян. — Окстись, Темочка. Если я с первым встречным не обжигаюсь, это не значит, что у меня какой-то неправильный тип привязанности. Я всего лишь осторожен. И уж, конечно, не доверяю филологам, которые суются на перекресток с куском испорченного мяса.

Тема охнул. Переступил с ноги на ногу и плюхнулся на край кровати.

— Что ты к этому мясу прицепился? Не тебе же принес. Моему бесу понравилось. Все у меня сработало. Я Дельфина включил и под него отлетел. Узнал, что ты придешь, еще до твоего появления. Не заметил, что ли? Даже стучаться не пришлось. Если ты не любитель порченного, зачем вэдэвэшников жрешь?

— Под Дельфина? — выгнул бровь Буян. — Ты серьезно?

— Ну да. Я шансон не слушаю. И русские народные тоже. Сколько там тебе лет? Не знаю, что в стародавние времена люди любили.

— С чего ты решил, что я люблю музыку, которую сочиняли, когда я родился? Тогда, Тема, кассет не было. И телефонов. И пластинок. Ничего не было.

— И что ж ты любишь, раз Дельфина отвергаешь?

— «Сплина» люблю. Русский рок. Цоя. То, что бессмертно. Дельфин слишком мрачный. Меня от него не прет. Я рассыпаюсь, когда его включают.

— В прах? — Артем хохотнул. На Дельфина его подса-

дила мама, и он никогда не казался Теме мрачным исполнителем. Мир сам по себе мрачен, но даже в темноте есть особая красота. Эстетика. Если не петь о тьме, если не думать о тенях, оживают монстры под кроватью, стучатся мохнатыми лапами в дверцы шкафов, выползают из-под скрипящего паркета и мерещатся в каждом углу. Тьму надо признавать. И в человеческой душе тоже. Поэтому Дельфин не мрачный. Живой. Искренний. Ударил в ребра треком «Не было» и остался в сердце до альбома «Прощай, оружие».

Тема помнил лето у бабушки в деревне, помнил запах скошенной травы, бордовый томик Брэдли в руках и слова из старенькой, поскрипывающей колонки:

«Кровь изумрудная на землю хлынула,

Это солнце вспоролو весне брюхо».

Разве это мрачно? Разве это не о величии жизни? Не о ее ценности и безграничной божественной красоте?

— Нет, — наконец нашел ответ Ян и сердито нахмурился.

— Не шути про прах. Я в него никогда не рассыплюсь.

— Ладно. Прости, — кивнул Тема. — Если ты от Дельфина рассыпаешься, значит, ты себя боишься. Русский рок тоже мрачный. «Сплин» тем более.

— Он как живительная вода. Там, где у него мрак, всегда есть свет.

— Значит, херово тебе. Недостаточно ты Дельфина слушал.

— А ты — «Сплина», — Ян сложил руки на груди и насу-

пился. Стукнулся подбородком об острую коленку и поморщился.

— А вот и не правда! Я «Сплин» даже на гитаре играть умею. И Цоя. Все умею.

Ледяные отчужденные глаза Яна распахнулись. Захлопали темными ресницами. Блеснули удивленными искрами. Он опустил взгляд на стоящую у стола гитару, облепленную наклейками с Наруто.

— Что? — ухмыльнулся Артем. — Думал, я совсем балбес?

— Сыграешь что-нибудь? — осторожно спросил Буян и поднял на Артема почти умоляющий взгляд. Стало немного не по себе. Теме даже показалось, что, если он откажет упырю, тот расплачется. Такие у него были большие и детские глаза.

— Может, и сыграю. Ты же вроде для дела пришел. Обучать меня. Разве нет?

— Ты же под Дельфина уже обучился, — хмыкнул Ян, вновь помрачнев, и опустил глаза. — Чего мне еще тебе сделать? Заговоры в тетрадку записать?

— Запиши. А я сыграю.

— Я пошутил, — Ян выпрямился, опустил ногу на пол и оттолкнулся. Стул скрипнул и закрутил упыря, как на карусели. — У тебя собственные заговоры должны быть. От сердца чтобы шли. Я могу лишь направить и подсказать.

— Дедко ваш сказал, что ты на своем опыте все объяс-

нишь.

— Мой опыт плачевный. Меня за него заложили. Вряд ли тебе будет интересно слушать.

— Порчи наводил?

— И порчи. И привороты. И лечил тоже. От икоты отговаривал. А меня заложили. Многих колдунов закладывали. Тяжелые времена были.

— Тебя убили?

Ян слабо кивнул и откинулся на спинку кресла. Уставился отсутствующим взглядом в потолок.

— Убили. Потом заложили. И не на кладбище, а в лесу. Ветками. Это твое больное место. Ты все еще страдаешь из-за своей участи бродить по миру упырем. У тебя парфюм с запахом земляники, — задумчиво произнес Артем и, скосив взгляд на Яна, тихо процитировал Цветаеву:

Сорви себе стебель дикий

Иягоду ему вслед, —

Кладбищенской земляники

Крупнее ислащенет.

Буян поморщился. Перевел взгляд на Тему и бережно подхватил гитару:

— Может, ты и не такой тупой, как мне показалось. Я сам эти духи сделал. Хобби у меня такое. Чтоб гнилью не вонять.

— Мы с бабушкой в детстве часто на кладбище ходили. Она запрещала срывать землянику. А я все равно срывал и ел. Мама разрешала. Мама у меня ничего не боится. Только

за меня переживает. Твои родители, видимо, были другими.

— Я пришел не знакомиться, а учить тебя.

— Наконец-то вспомнил! Ты должен делиться своим опытом. Об этом и говорил дедко Пересвет. А из тебя информацию по крупинкам вытягивать приходится.

— Играй, — Ян потрянул гитарой, протягивая ее Теме. — По моим меркам, я уже достаточно тебе рассказал.

— Нет. Недостаточно. Как ты научился колдовству? Где взял знания?

— У меня по роду. От папки. Он помер, когда я еще ребенком был, и дар мне передал. Учил меня немного, даже в служение просил взять, когда умрет. Я не стал. Тошно было от мысли, что он из мертвых восстанет, чтобы выполнять мои прихоти.

— Как у тебя получилось самостоятельно развить способности?

— Каком кверху, Тема. Играй уже. Разговаривать с тобой противно. Хоть музыку послушаю.

— Наушники могу дать.

— Это не то, — качнул головой Ян и насупился. — В наушниках — мертвое. Не живое. Музыка должна быть в моменте.

— Музыка просто должна быть. Не спорь. Продолжай рассказывать.

— Что тебе еще рассказать?

— На вопрос мой отвечай. Как ты развил способности? Я

тебе что, попугай повторяться?

— Пестрый, как попугай. — Буян вздохнул, запустил пальцы в темные волосы и устало уперся локтями в стол. — Я просто слушал себя. И безоговорочно верил. В силу, что была дана. Начал с шепотков, которые отец учить заставлял. Сначала по-простому — собак отпугивал и волков от деревни отгонял. Потом заговаривал воду от болезней. На погоду наговоры читал. А как получаться стало, о себе заявил и работу брать начал. Любую. Это меня и сгубило. Опьянила сила. И все. Смерти пожелал тому, кому не надо было. Узнали об этом, и со мной поквитались.

Тема кивнул и перехватил гитару. Уложил на колени и поймал затуманенный воспоминаниями взгляд Яна.

— Значит, научи меня шепоткам.

— Хорошо, — согласился упырь. — Я тебе их надиктую, а ты запишешь. Начнем с простого. Поймешь структуру, а дальше составишь собственные заговоры и наговоры. Может, поделюсь своими. Если сыграешь хорошо. Нам главное — научиться входить в то состояние, в которое ты вошел на перекрестке.

— Так теперь не мне, а нам? — беззлобно улыбнулся Тема и обхватил ловкими пальцами гриф.

Ян нахмурился. Задумчиво поджал губы и уставился в стену. Видно было, как что-то внутри него спорит, словно не складываются звезды-звездочки в одно созвездие. «Вот тебе и внутренний конфликт, — подумалось Артему. — Согла-

ситься и сдаться или спорить и отступать все дальше и дальше».

— Да, — наконец ответил Буян. — Нам. Нам надо тебя научить. Играй. Попробуй сам войти в ритм.

— Окей. Только я сыграю ту песню, которую люблю, — Артем всмотрелся в озадаченное бледное лицо Яна и взял первый аккорд. Стукнули пальцы по струнам. Зазвучал ре-минорный «Dm». Задрожали колени, вспыхнула пламенем кровь. Тема закачался на ритме, шепотом проговаривая первые «вниз-вниз-вверх-верх-верх», настраиваясь на скорость темпа, вылавливая такт, словно рыбак, закинувший удочку-струну в шумное море нот.

Не думать. Самое ответственное, когда играешь — отринуть мысли, погрузиться в голос гитары, заглушить мир и отдать свою душу струнам. Иначе ни за что не получится поймать ритм и попасть текстом в аккорды.

Тема представлял, что в его голове есть некий ползунок, выкрутив который, можно убавить бесконечный поток мыслей. Этот ползунок помогал ему засыпать по ночам. Он ложился в кровать, закрывал глаза, воображал перед собой пульт управления, как на космическом корабле с видом на Землю, и сдвигал ползунок к надписи «OFF». Тогда на его космолете исчезал кислород, забирая с собой гул космоса и звенящие в голове рассуждения о вечности. Тема задыхался и, умирая, проваливался в бессознательное.

Каждый раз, когда Тема брал в руки гитару, начиная с три-

надцати лет, он убавлял собственный шум.

Пальцы текли по грифу. Касались ладов, поглаживали струны. Сердце ритмично отбивало «вниз-вверх-вниз-вверх».

Сорвался голос на первой строке, в требовательном:

— *Пой мне еще.*

Скрипнуло компьютерное кресло. Качнулся Ян. Придвинулся ближе. Жадным взглядом уставился на Темины пальцы.

— *Тихо,* — мазнул медовым голосом Тема, — *в обратную сторону крутится магнитофон.*

Закрутился. Завертелся. Тема отлетал все дальше и дальше. Исчезал из реальности, растворялся во времени. Больше не было ни Буяна, ни упырей, леших и мавок. Был только звук. И голос, ведущий лесной тропой в бессознательное.

— *В доме темно. Шорохи, скрипы сводят с ума.*

— *Кончился день,* — подхватил тихим, еле слышным голосом Ян. — *Не имеют значения цифры. На лепестки рассыпался мак.*

Красивый у него голос. Неуверенный, но податливый. Течет по комнате. Шумит кленами.

— *Пой мне еще. Рано заветную карту вытаскивать из рукава,* — вторил Тема, подхватывая Яна, сливаясь в тягучее двухголосье. — *Чайник кипит, капля из крана медленно, медленно, медленно падает вниз.*

Затуманилось задумчивое лицо Буяна. Зарябил воздух.

Запахло осенью и влажной землей. Заплясали перед глазами темные пятна.

Похолодела спина.

Стукнулось сердце об ребра.

Пальцы били по струнам. Раскачивалось пустое сознание над бурлящей черной рекой. Мир менялся, а Тема продолжал петь:

Голос дрожит, хлопнула дверь — это ветер.

Держась за края, до размеров Вселенной сужая зрачки.

На рубеже этих сумрачных тысячелетий

По горло в воде на дрейфующей льдине ждут рыбаки.

Зашевелилась за спиной Яна тень. Сгустился образ бестелесной субстанции.

Забилась распахнутая форточка от буйного ветра.

— *Ну, так пой мне еще,* — отозвался настойчиво Буян, раскачиваясь на волнах песни.

— *Что я могу изменить, направляемый собственной тенью?*— спросил Тема, удерживая взгляд Яна сквозь дымку видений.

Треснул на подоконнике глиняный горшок. Пожухли листья фикуса.

Тема мотнул головой и заглянул за плечо упыря. Субстанция росла. Царапала плечи Яна бестелесными лапами.

Не думай.

Только не думай.

Подумаешь потом.

Ползунок выключен. Кислорода нет.

Пой. Пой еще, Тема.

Любой, имеющий в доме ружье, приравнивается к Курту Кобейну,

Любой, умеющий читать между строк, обречен иметь в доме ружье.

Посыпалась сквозь пальцы сухая земля. Заскрипели песком струны. Зажужжали мухи. Тема зажмурился и тряхнул головой.

Пой мне еще.

Дернулся Ян. Стукнул ногой по паркету. Забарабанил ладонями по коленям. Подхватил ритм и поймал Темин взгляд. Усмехнулся и царапнул текстом:

— Я просто знаю, что в последний момент, когда тебе никто не поверит, прохожий на остановке возьмет и укроет тебя под плащом.

Артем уставился в его глаза. Разбилась зеркальная серая гладь. Страх парализовал, но Тема был не один. Сейчас, именно сейчас, он чувствовал, что Ян вместе с ним.

— Дома задрожат при появлении трамвая и, когда открываются двери, — прошептал Артем на срыве.

— Пой мне еще, — требовательно попросил Ян. *— Пой мне еще. Пой мне еще.*

Лопнула струна. Ударила и обожгла кожу. Тема вскрикнул и отшвырнул гитару на кровать. Схватился руками за голову и закачался в подкатывающей к горлу панике.

Ян подскочил с кресла. Стремительным движением подхватил со стола кружку с недопитым кофе и схватил Тему за запястье. Стянуло кожу ледяным наручником от прикосновения упыря.

— Пей. Пей быстро, — приказал, всучивая кружку в дрожащие руки. — Все в порядке. Успокойся. Это мир духов, он тебя напрямую не касается. Пей. Тебе ничего не угрожает. Пей и дыши.

Тема закивал. Жадно поймал носом спертый воздух. Всего не хватало. Дыхания, сил, гравитации.

Трясло.

Еще чуть-чуть — и слезы накатят.

— Пей! — рявкнул Буян. — И дыши! На меня смотри! Видишь? Сижу! Здесь! Защищу и сберегу! Ни одну мразь сюда не пущу!

Артем дрогнул. Сделал несколько рваных глотков кофе и уставился на Яна. Различил на его ровном носу несколько бледных веснушек. Внимательно обвел их взглядом и пересчитал. Первая, вторая, третья. И снова. Первая, вторая, третья. И в каждом сером глазу — по три крапинки. Интересная, получается, симметрия.

— Легче? — осторожно спросил упырь.

Раевский кивнул. Оглянулся на горшок с фикусом.

Внутри похолодело.

Цветок, еще вчера живший свою лучшую жизнь, скоропостижно скончался и выглядел так, будто его не поливали

вот уже сотню лет.

Почва растрескалась. Скукожилась сухая листва.

— Ты тоже его видишь? — прошептал Тема, чувствуя, как катится по спине холодная капля пота.

— Да. И это очень плохо.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.